

Обижены "Летние люди"

Культура. -1995. -30сент. -с.2.

Четвертый по счету фестиваль "Киношок", состоявшийся в Анапе в сентябре, в очередной раз если не шокировал, то изрядно озадачил отечественную кинообщественность. "Киношок", созданный в 92-м году как фестиваль шокирующего, странного, вызывающего кино, на сей раз оказался суперконсервативным в своих пристрастиях.

Геральд БЕЛИКОВ

Член жюри "Киношока-95" режиссер Юрий Мамин размышляет о конкурсной программе фестиваля

— Каждый крупный фестиваль — своеобразный срез состояния кинематографа. Что показал в этом смысле "Киношок-95"?

— Показал, в общем, разнообразные поиски в кинематографе при дефиците профессионализма. Он часто подменяется тем, что называется "авторским взглядом". Но за этим я обычно вижу неумение создать сюжет, связно рассказать историю, несущую глубокий смысл в характерах, взаимоотношениях персонажей, ритмах, что, собственно говоря, и является мастерством режиссера. Я полагаю, что тут есть некий снобизм: люди отказываются делать сюжет, потому что это им якобы не интересно.

— Вы к таким картинам относите "Концерт для крысы" Олега Ковалова, получивший специальный приз жюри "За поиск нового киноязыка"?

— Нет, это скорее просто экспериментальная картина. В ней есть ряд интересных находок, есть свежесть, есть хорошее использование музыки, есть безусловная культура. И самое главное — есть атмосфера, кафкианский взгляд на действительность того времени, когда Хармс (фильм сделан по мотивам его прозы), этот шутник, очень скрытно высмеивавший власть в малопонятных начальникам и обывателям формах, был все-таки осужден и умер с голоду в камере. Но есть в картине и моменты — в исполнении, в типажности, — которые опускаются до уровня самодеятельности. Но нельзя строго судить Ковалова: это его первый игровой фильм, он не специалист по

работе с актерами, многое в режиссерской кухне он еще понастоящему не освоил.

— Вы говорили о недостатке профессионализма. Но ведь на фестивале были представлены такие признанные мастера, как Петр Тодоровский и Владимир Меньшов...

— Что касается Тодоровского... Я думаю, что Петр Ефимович, как это ни печально, в определенной степени потерял требовательность к себе. История, которую он положил в основу фильма "Какая чудная игра", наивна и очень неубедительна. Она грубо сколочена, тенденциозна — с расстрелом в финале, картонна. Актеры играют в духе кавказовских капустников, за исключением разве что Ларисы Удовиченко.

— Почему же тогда эта картина удостоена второго по значимости приза за режиссуру? Ей отдало предпочтение жюри дистрибьюторов...

— Я даже хотел выйти из состава жюри, протестуя против этого решения. И не вышел только потому, что решил в меру своих сил поддержать то действительно ценное, что было на фестивале. Но удалось это сделать лишь процентов на двадцать.

— Вы выступали против "Ширли-мырли"? На эту картину столько возлагалось надежд. Денег на нее не жалели — миллионы долларов ухнули. Владимиру Меньшову удалось собрать мощнейшие актерские силы. Развернута шумная рекламная кампания...

— Получилась рядовая народная комедия, рассчитанная на невзыскательные вкусы зрителя. Юмор в ней площадной — то, что критики называют шутками ниже пояса. Это нравится очень многим. Да, такое кино имеет право на жизнь. Но

люди, которые его снимают на Западе, ни в коей мере не претендуют на фестивальные награды. У нас же происходят странные вещи: на одном фестивале встречаются фильмы из диаметрально противоположных эстетических категорий. Вот на "Киношоке" вместе собрались авангардистские картины типа "Деревянной комнаты", "Коридора", коммерческий кич "Ширли-мырли", популистская "Барышня-крестьянка" и такое произведение высокого искусства, как "Летние люди (Дачники)" Сергея Урсуляка. Как их судить? Ведь это все равно, что определять, кто лучше: бегун, штангист или пловец, волею судьбы оказавшиеся на одном соревновании.

— Почему вы назвали популистской "Барышню-крестьянку"? В ней, по моему, есть и атмосфера, и чистота, светлость. Я не увидел просчетов в режиссуре. Отличная операторская работа. На мой взгляд, жюри абсолютно право, присудив фильму Главный приз и отметив призом за лучшую женскую роль Елену Корикову...

— Популистская — не означает непрофессиональная работа. Алексей Сахаров сделал картину в расчете на тягу значительной части нашего общества к светлому, романтическому прошлому России, России, которую мы потеряли. Это фильм, откровенно играющий на патриотических чувствах людей, теряющих жизненные ориентиры. В принципе — это водеvilь.

— Это плохо?

— Это не большое искусство. Помимо водевилльности, не всегда выдержанной в рамке жанра, подчас тошнотворно слащавой, есть здесь идеологическая задача: рассказать о патриархальной России, где крепостные были счастливы прислуживать помещикам, где все процветало, где все жили в мире и счастье. Но ведь никогда этого не было. Поэтому, когда вижу подобное кино, я воспринимаю его как коммерческое. При этом вовсе не отрицаю режиссерского мастерства, мастерства оператора. В конце концов я согласился с тем, что Лена Корикова заслуживает приза, как и Валерий Гаркалин, исполнивший роли братьев-близнецов в "Ширли-мырли", несмотря на все недостатки.

А вообще-то на фестивале не было убедительных актерских работ, о которых можно было бы говорить. Наиболее интересные, на мой взгляд, были в картине Урсуляка. Но, к сожалению, я оказался здесь в единственном числе. Дело в том, что это небольшие работы. Фильм "Летние люди (Дачники)" построен так, что они не выделяются, являются частью художественной ткани.

— Почему вы отдали предпочтение именно этой картине?

— Я шел на просмотр с предубеждением, прочитав о том, что Сергей Урсуляк в прошлом театральный режиссер, когда-то поставил хороший спектакль по пьесе Горького "Дачники". Что, опять экранизация спектакля? К тому же, я не люблю драматургию Горького за ее тенденциозность, она в отличие от чеховской не обладает ее тонкостью. Не помню ни одной удачно экранизированной горьковской пьесы. Урсуляку же удалось избавиться от тенденциозности и создать странное кинематографическое произведение, завораживающее. Он смог показать необычайные тонкости во взаимоотношениях персонажей, что напоминает михалковскую "Неоконченную пьесу для механического пианино", но не повторяет. Хотя есть даже откровенные цитирования — застолье, например. Но там другой ритм, другие взаимосвязи. Здесь же налицо свой взгляд. Поразителен образ леза: люди среди

этих деревьев. Этот набор людей, которые потерялись, растерялись, находятся в запутанных отношениях между собой, в мелких конфликтах, которые и составляют их жизнь... В целом фильм производит сильное эстетическое впечатление, не неся мощной горьковской идеологической подкладки. По духу он близок спектаклям Анатолия Эфроса.

— Вы упомянули об интересных актерских работах в этой картине...

— Прежде всего это работа Ирины Купченко. Она подчас бывает тенденциозна. То она срывается на грудной крик, который раздражает, то вдруг находит такие точные интонации, переходы, которых я у нее не видел в больших ролях... Вполне, по моему, достоин быть отмеченным премией за лучшую мужскую роль Сергей Маковецкий. Он тонок, обаятелен, человечен, симпатичен... До финального эпизода мне очень нравился Сергей Колтаков, к сожалению, он там переорал, его монолог не был согрет изнутри, не выстрадан и потому прозвучал впустую. Но что примечательно, артисты и более, и менее сильные вместе составили поразительный ансамбль. Это еще раз заставляет вспомнить об Эфросе, который актерами руководил, как дирижер симфоническим оркестром.

— Почему же эти, казалось бы, очевидные достоинства не были оценены вашими коллегами по жюри? Отмечена лишь операторская работа...

— Это меня удивило и обидело. Люди не смогли посмотреть картину раскрепощенным, свободным взглядом. Кто-то не нашел нужной реплики, кто-то был оскорблен трактовкой того или иного персонажа... В общем, бал правила вкусовщина.

Я давно не видел у нас фильма подобного уровня и, поздравляя Сергея Урсуляка с удачей, не побоюсь предсказать ему большое будущее.